

Б. Яковенко

**Что такое философия. Введение в
трансцендентализм**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
Б11

Б11 **Б. Яковенко**
Что такое философия. Введение в трансцендентализм / Б. Яковенко – М.: Книга по Требованию, 2020. – 77 с.

ISBN 978-5-458-54496-2

ISBN 978-5-458-54496-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2020
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2020

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

своемъ историческомъ существованіи Вселенная, какъ едино во всѣхъ своихъ послѣдовательныхъ и одновременныхъ обнаруженіяхъ Сущее, какъ единъ во всѣхъ своихъ многовѣковыхъ проявленіяхъ и дѣйствіяхъ человѣческій духъ. Нужно только властнымъ движеніемъ остановить бѣшеный потокъ философскихъ системъ, концепцій и фрагментовъ; безъ боязни нужно окунуться въ него съ головою, войти въ его Святая Святыхъ, проникнуть въ душу всего философскаго движенія. Нужно умѣло отдѣлить подлинно-философское отъ наноснаго, посторонняго и враждебнаго; нужно смѣло разбить внѣшнюю скорлупу cadaго отдѣльнаго созданія философской мысли и проникнуть до того внутренняго ядра его, которое несетъ на себѣ печать общаго происхожденія отъ единой матери-философіи и тѣмъ указываетъ, гдѣ искать точки единенія всѣхъ ея созданій. И тогда, будучи отграничена отъ постороннихъ, чуждыхъ вліяній и взята со стороны своей внутренней интимной сущности, философія перестанетъ вызывать въ созерцатель растерянность, апатію и догматическую односторонность. Непреоборимая и безконечная на первый взглядъ несогласованность философскихъ построеній спадетъ тогда, какъ пелена; а на мѣстѣ ея обнаружится съ неоспоримой очевидностью единое и согласно-систематическое усиленіе философскаго духа.

И дѣйствительно! Всѣ подлинно-философскія старанія, всѣ истинныя проявленія философской мысли группируются около одного предмета, около одного метода, около одного типическаго разрѣшенія единой основной проблемы. Тѣмъ единымъ предметомъ философскихъ исканій является Сущее во всемъ своемъ цѣломъ, во всѣхъ своихъ деталяхъ, во всѣхъ своихъ обнаруженіяхъ; значить, Сущее, какъ Сущее. Нѣтъ такого философскаго размышленія, которое не видѣло бы въ Сущемъ высшей и послѣдней цѣли всѣхъ своихъ стремленій. Часто, правда, философская мысль беретъ его односторонне, частично, исковерканно. Но и тогда цѣлью ей служить, все же, само Сущее, извращеній и ограниченій котораго она просто не сознаетъ, не замѣчаетъ.— Тѣмъ единымъ методомъ философскаго мышленія является критическая, разумная интуиція, стремленіе опознать Сущее во всей его неприкосновенности и своеобразности; значить, такимъ, каково оно есть. Нѣтъ такой философской спекуляціи, которая такъ или иначе не осуществляла бы рационально-интуитивнаго исканія Сущаго. Правда, методъ этотъ зачастую (почти всегда) примѣняется односторонне, подвержимъ вредоноснымъ вліяніямъ, принимаетъ неадекватный своимъ цѣлямъ характеръ. Но и тогда онъ явственно отличимъ ото всѣхъ иныхъ познательныхъ устремленій благодаря своей непримиримой критичности

и своему чисто-интуитивному усилю взять Подлинное какъ Подлинное, Истинное какъ Истинное, Объективное какъ Объективное. Секстъ Эмпирикъ и Плотинъ, Гоббесъ и Лейбницъ, Юмъ и Гегель, Милль и Лотце, Авенариусъ и Когенъ, Ардиго и Бергсонъ оперируютъ въ конечномъ счетѣ однимъ и тѣмъ же способомъ; разница, вѣдь, только во внѣшней конструкціи, въ выраженіи, въ одѣяніи. Чистое описаніе и чистая теорія—эти внѣшне-вѣчные и непримиримые полюсы философскаго мышленія—суть въ дѣйствительности выраженія одного и того же методическаго усиля: чрезъ посредство напряженнѣйшей критики достичь соразмѣрнѣйшаго интуитивнаго постиженія.—Тѣмъ единымъ рѣшеніемъ основной проблемы Сущаго является дуализмъ, неизбежно-дуалистическое его истолкованіе. Нѣтъ такой философской системы, нѣтъ такого умозрительнаго фрагмента, который не представлялъ бы Сущее при посредствѣ двухъ перво-моментовъ, несогласимыхъ, противоборствующихъ, хоть и тѣснѣйшимъ образомъ другъ съ другомъ связанныхъ. Правда, рядомъ съ концепціями открыто-дуалистическими исторія философіи знаетъ неисчерпаемый запасъ ученій моно-дуалистическихъ (Плотинъ, Эриугена, Лейбницъ, Фихте, Фехнеръ, Ройсь) и монистическихъ (Парменидъ, Стоики, Спиноза, Юмъ, Гегель, Эмерсонъ, Бредли, Когенъ). Но при ближайшемъ ихъ разсмотрѣніи большая или меньшая монистичность оказывается лишь внѣшней маской. Ибо одинъ изъ двухъ элементовъ при этомъ или тѣсно придвигается на словахъ къ другому, или просто замалчивается, подвергаясь словесному ostracismu, по существу же продолжая свое особенное съ нимъ существованіе. Вѣдь если "Еν и матерія находятся у Плотина въ постоянномъ дѣйственномъ взаимоотношеніи, при чемъ матерія рассматривается даже, какъ послѣднее и отрицательнѣйшее проявленіе "Еν'а, то этимъ нисколько не разрѣшается ихъ принципиальная дуалистичность. Вѣдь если Богъ Лейбница и создалъ міръ наилучшимъ образомъ, то этимъ нисколько еще не эллиминируется и не сглаживается наличность зла, дьявола и матеріи. Вѣдь если бытіе Парменида и заполняетъ собою все подлинно-сущее, то этимъ не объясняется и не поглощается еще наличность сферы иллюзорной мнимости. Вѣдь если діалектическое развитіе Гегеля и заставляеть одинъ элементъ (форму) преображаться въ другой (содержаніе), то этимъ еще не ставится между ними знакъ какого бы то ни было равенства. Въ противномъ случаѣ, къ чему, почему и зачѣмъ тотъ или иной остатокъ двойственности!

Да и какъ можетъ быть иначе! Философская мысль первымъ же своимъ шагомъ предопредѣлила себя къ двойственному истолкованію міра: она поставила передъ собою этотъ міръ, какъ не-я, съ тѣмъ, чтобы себя самое рассматривать, какъ отдѣленную отъ него сферу я. Это въ началѣ

своемъ чисто-субъективное противопоставленіе получило сейчасъ же болѣе объективистическую форму, сдѣлалось противопоставленіемъ Сущаго и мнимаго, истиннаго и иллюзорнаго; чѣмъ и было положено начало его полновластнаго царенія на протяженіи всей исторіи философскаго размышленія. Проявляясь въ формѣ антитезы, то духа и матеріи, то Бога и діавола, то бытія и иллюзіи, то субъекта и объекта, то сознанія и его предмета, то, наконецъ, формы и содержанія, оно заполнило собою всю сферу философскаго творчества, повсюду насаждая одно и то же по существу своему дуалистическое міро-представленіе и повсюду же вызывая совершенно напрасныя и потому глубоко-трагическія попытки освободиться отъ непреодолимой двойственности перво-моментовъ. Зачастую односторонняя его окраска,—то онтологическая, то космологическая то психологическая, то гносеологическая,—мало что мѣняла при этомъ. По существу своему, исторія философіи была всегда и остается еще исторіей дуалистическаго истолкованія Сущаго, а философія въ своемъ историческомъ существованіи принципиально-дуалистической критически-интуитивной его транскрипціей.

Такъ систематическое единство философіи въ ея предметѣ, методѣ и проблемѣ сообщаетъ осмысленность, связность и сконцентрированность ея разнокалибернымъ историческимъ проявленіямъ, превращая исторію философіи въ нѣчто цѣлое и явственно отграничивая ее отъ иныхъ областей; хотя въ то же самое время систематическая недостаточность достигаемаго разрѣшенія первопроблемы и заставляетъ философскую мысль исторически множиться, повергая въ уныніе безнадежности и творцовъ и созерцателей.

*

Философія, значить, одновременно и многообразна и едина въ своихъ историческихъ обнаруженіяхъ. Дуализмъ, стало-быть, господствуетъ надъ нею исторически столько же, сколько и систематически. Мало того! Какъ сказано, онъ опредѣляетъ ея историческое бытіе именно и только потому, что представляетъ собою ея систематическое *credo*. Только потому, что въ изначальной дуалистической схемѣ философскаго размышленія, повидимому, скрывается какая-то неисправимая несостоятельность, философская мысль бесконечно множится, вѣтвится и безнадежно мечется въ предустановленныхъ ей судьбою историческихъ рамкахъ. Только потому, что въ первичномъ дуалистическомъ признаніи нѣтъ прямого и яснаго исхода изъ нависшей надъ философскимъ творчествомъ проблемы, трепыхаетъ она вотъ уже тысячелѣтія безсильными крыльями, никакъ не можетъ подняться въ небо. Вѣдь въ противномъ случаѣ было бы до-

статочно перваго фундаментально-систематическаго установленія. Исторія философіи просто не существовала бы, ибо основная проблема была бы сразу же рѣшена, Сущее однимъ взмахомъ опознано идеально-критической и адекватно-интуитивной мыслью. Но она существуетъ и тѣмъ заставляетъ признать данное уже рѣшеніе ея первопроблемы совершенно неприемлемымъ. Такъ историческій отвѣтъ на вопросъ о томъ, что такое философія, оборачивается систематическимъ сомнѣніемъ въ его состоятельности и правомѣрности.

И на самомъ дѣлѣ! Философскій дуализмъ есть концепція внутренне недостаточная; болѣе того, онъ глубоко самопротиворѣчивъ, онъ—очевиднѣйшее *contradictio in adjecto*. вмѣсто отвѣта на одну общую проблему Сущаго онъ множитъ проблемы; вмѣсто уразумѣнія глубочайшей сущности основной загадки Подлиннаго и Истиннаго, онъ множитъ загадки. Изъ одного загадочнаго міра онъ дѣлаетъ произвольнымъ его разсѣченіемъ двѣ самостоятельныхъ сущности, двѣ загадки. Необходимая связь этихъ сущностей (или же полнѣйшая безсвязность) становится тогда третьей и не менѣе затруднительной загадкой. Эта связь, затѣмъ, дробится безъ конца въ потугѣ ея уясненія, превращаясь въ связи, звенья, кольца, возможности. Такъ растетъ загадочность пропорціонально стараніямъ дуалистически преодолѣть ее. И ничего болѣе не остается для безуспѣшныхъ разгадчиковъ, какъ сомкнуть уста и, примирившись, продолжать безутѣшно дальнѣйшее дробленіе загадочности.—Четыре типичныхъ формы имѣетъ, при этомъ, дуалистическая загадочность исторически. Это либо загадочность дуалистическая въ узкомъ смыслѣ слова, загадочность связи (или безсвязности), сосуществованія (или несосуществоемости) двухъ сущностей, элементовъ, моментовъ, неизвѣстно какъ составляющихъ собою Сущее. Либо это—загадочность монистическая (въ широкомъ смыслѣ слова тоже дуалистическая), загадочность отмѣны одной изъ сущностей, одного изъ элементовъ или моментовъ, въ угоду другому, загадочность признанія одной части Сущаго неизвѣстно какимъ образомъ несущей. Каждая изъ этихъ формъ дуалистической загадочности, въ свою очередь, бываетъ или болѣе субъективистической или болѣе объективистической; то носитъ характеръ онтологически-космическій, то получаетъ гноселогически-психологическое истолкованіе. И каждая изъ этихъ четырехъ формъ показываетъ съ одинаковой ясностью невозможность и несостоятельность изначальнаго дуализма.

Пусть Сущее взято узко-дуалистически въ качествѣ связанной или безсвязной соданности двухъ сущностей, элементовъ, моментовъ, сторонъ. Тогда безысходны и смертоносны вопросы: какъ могутъ быть связаны воедино два принципиально-чуждыхъ образованія, своей чуждостью

совершенно отрицающія всякую объединяемость; вѣдь они либо порознь чужды самой долженствующей ихъ связать связи, какъ чему-то третьему, либо отнимаютъ у связи ея связующую силу тѣмъ, что сама она ставится по сторону одного изъ нихъ, являясь ему родственнымъ образованіемъ и тѣмъ совершенно отторгаясь отъ другого; какъ можетъ, далѣе, нѣкоторая связь, будучи сама собою, т.-е. внутренно едина, связывать два принципиально-отличныхъ другъ отъ друга момента; вѣдь для того, чтобы связать ихъ она должна быть одинаково причастна и родственна обоимъ и, стало-быть, представлять собою что-то двойственное, значить, въ свою очередь требовать нѣкоторой связи, и такъ *in infinitum*; какъ можетъ, наконецъ, опредѣленная безсвязность, означающая собою простое отсутствіе, нѣкоторый *Nichts*, въ то же время создавать соданность взаимно-чуждыхъ образованій, тѣмъ заполняя невозможнымъ образомъ несуществующее между ними пространство?—Пусть Сущее взято монистически въ качествѣ нѣ котораго единаго образованія, въ качествѣ единаго момента, одного элемента, одной сущности. Тогда убійственны, уничтожительны вопросы: какъ можетъ второй моментъ исчезнуть безслѣдно, будучи изначала данъ, какъ второй и не тотъ же самый, вмѣстѣ съ первымъ; ибо онъ не допускаетъ своего поглощенія въ этомъ первомъ моментѣ, будучи отъ него принципиально отличенъ и отрицая тѣмъ какой бы то ни было путь своего превращенія въ его составную часть; какъ можетъ быть, далѣе, единое въ то же время и двойственно, поглотивъ въ себѣ второй изначальный элементъ Сущаго; ибо недопустимо, чтобъ единое было одновременно и всѣмъ Сущимъ и однимъ изъ его моментовъ; ибо невозможно, чтобъ единое въ—себѣ—пребываніе было одновременно со-пребываніемъ двухъ или многихъ, даже если они сопребываютъ другъ въ другъ; какъ можетъ, наконецъ, единое—себя—самое—развивающее достигать противнаго ему полюса своимъ собственнымъ выявленіемъ, разъ оно всецѣло едино, не имѣетъ внутри себя побудителей къ какому—либо самодвиженію, быть же двигаемымъ извнѣ запрещаетъ себѣ своей собственной внутренней сконцентрированностью?—Такъ уничтожаетъ дуализмъ себя самъ въ своихъ объективистическихъ формахъ, повсюду наталкиваясь на непреодолимое препятствіе недопустимости, непонятности, несогласимости.

Пусть познающій и познаваемое, разумъ и Сущее, я и не-я, мысль и предметъ,—два несводимыхъ другъ на друга и независимыхъ полюса. Тщетно тогда усиліе познающаго, разума, я, овладѣть познаваемымъ, Сущимъ, не-я. Незаполнимая пропасть дѣлитъ ихъ принципиально на вѣки, всецѣло, во всѣхъ отношеніяхъ. Ибо какъ можетъ познаніе познавать познаваемое, разумъ проникать въ Сущее, я охватывать не—я,

разъ между ними нѣтъ ничего общаго, разъ они чужды другъ другу отъ самаго начала и до самаго конца? Вѣдь, чтобъ познать познаваемое, познание должно какимъ-либо образомъ отождествить, уравнивать себя съ нимъ или быть съ нимъ хотя бы содано въ какой-нибудь осмысленной соприкосновенности. Между тѣмъ, актъ познанія, какъ таковой, не обладаетъ ниоднимъ свойствомъ своего мнимаго предмета, а предметъ этотъ лишень всякихъ чертъ, роднящихъ его съ мнимо-направленнымъ на него актомъ. Говорить, что предметъ данъ познанію, а познание направлено на него, значить уже устанавливать связь, сообщать сходство, слѣдовательно, нарушать изначальное раздѣленіе. Правда, можно закрѣпить соединеніе ихъ при помощи третьяго момента, при помощи особой познавательной среды, познавательнаго содержанія или смысла. Но не сокрушительнъ ли тогда вопросъ: какъ можетъ быть эта среда средою, будучи родственна и познанію и предмету и такимъ образомъ неся на себѣ двѣ родственности, исключаящихъ своей наличностью другъ друга? Не разсыпается ли она на двѣ среды, абсолютно чуждыя другъ другу и неродственные? Безумный жестъ, обреченный заранѣе на фіаско, означаетъ собою усиленіе познавательнаго акта обрѣсть предметность. Миражемъ осуществленія неосуществимаго будетъ таинственная данность объекта въ познаніи. Нѣтъ моста съ земли на небо, если земля и небо абсолютно различны! Нѣтъ пути отъ человѣка къ Богу, если человѣкъ лишень всякаго Богоподобія!—Жадно тянется познающій духъ къ Сущему, страдаетъ объять его, жаждетъ испытать живительной влаги его первоисточника, разумомъ проникнуть въ самую его глубь и узрѣть Единое въ полномъ его величіи. И не можетъ! Ибо вѣчна и непобѣдима неутолимая бездна, пролегшая между нимъ—познавательно ищущимъ и Имъ—для познанія недоступнымъ. Ибо слишкомъ высокъ и далекъ сводъ звѣзднаго неба, чтобы зналъ онъ смертный познаватель, что тамъ дѣется, какъ пройти туда и гдѣ конечное пристанище его безплодныхъ исканій. Не можетъ и жаждетъ... И тянутся желто-пергаментныя, испеленныя руки къ небу! Тянутся острыя безысходныя иглы готическихъ соборовъ въ высь! Изъ мрака въ свѣтъ... Молятся: Господи, гдѣ Ты? Откройся, осѣни странника! Дай заглянуть въ лице Твое, Господи! Поддержи, напои, утоли! Тщетно молятъ... напрасно: закрыть ликъ Божій, отгражденъ навѣки. Тамъ, внизу, въ хладномъ мракѣ безысходности и отчаянія, въ темномъ хаосѣ безотрадныхъ блужданій предначертано мѣсто познающему. Въ безысходности земли, въ безотрадности человѣчества!

Пусть познающій и познаваемое, разумъ и Сущее, я и не-я, мысль и предметъ,—одно и то же, одинъ и тотъ же моментъ, одно и то же Все. Но тогда ихъ нѣтъ, какъ двухъ, не можетъ быть, ни какъ двухъ сущностей.

ни какъ двухъ элементовъ, ни какъ двухъ сторонъ, ни какъ двухъ моментовъ. Тогда нѣтъ въ познаніи усилія, направляющагося на предметъ; тогда нѣтъ предмета, наполняющаго собою внутреннюю сферу познавательнаго акта. Тогда вообще ихъ нѣтъ, а есть лишь Оно, одно Оно, неповторимое и единственное. Ибо какъ можетъ познавательный актъ, сливаясь всецѣло съ познаваемымъ, быть отъ него все же отличенъ, разъ сліяніе это означаетъ утерю ими ихъ расторгающихъ признаковъ? Ибо какъ можетъ единое, внутренне-самотождественное, проявлять себя въ двухъ признакахъ, другъ друга отрицающихъ или ограничивающихъ, разъ по существу своему оно противно всякому различію? Ибо какъ можетъ въ его сферѣ что-то быть актомъ, а что-то другое предметомъ познанія, разъ по существу въ немъ нѣтъ уже ни того, ни другого, ни какого-либо ихъ соединенія, а лишь одно единое Одно, всецѣлое, всезначимое, вездѣсущее; разъ никакое совпаденіе не есть здѣсь совпаденіе, не имѣя на себѣ никакихъ признаковъ совпавшихъ моментовъ, не сохраняя съ ними никакихъ связей? Нѣтъ перехода отъ безразличнаго къ различію! Нѣтъ въ Богѣ человѣка, если Богъ изначально лишенъ человѣческаго!—Падаетъ въ небо изшедшій своимъ существованіемъ духъ познающаго. Сжегшій на испепеляющемъ огнѣ свою земную личину. Закланый Богу. Нечеловѣческимъ усиліемъ брошенный въ Послѣдній Предѣлъ, въ Единое. Въ бытіе Небытія, въ небытіе Бытія. И несется послѣдній молитвенный вопль торжествующаго мученика... Я прихожу, о Господи! Я прихожу къ Тебѣ, чтобъ не быть. Я—не я ужъ, я не есмь. Ты еси и я съ Тобою. Сталъ Тобой я, о Господи! Твоимъ ты, Твоимъ я. Твоимъ Тыя, Твоимъ Яты.. И вотъ все смолкло... Погасъ свѣтильникъ... Ночь безпросвѣтная легла заколдованнымъ кругомъ. Непробудное небо молчитъ. Въ хладномъ мракѣ свершаетъ свой путь Неизвѣстное, Запредѣльное, Самотождественное. Темный хаосъ безразличія простеръ свои длани. О безысходность Высшаго! О безотрадность только—Божественнаго!

*

Современныя философскія спекуляціи—самыя дифференцированныя, самыя многостороннія, самыя насыщенные. Потому, будетъ уместно демонстрировать все только что сказанное на двухъ изъ нихъ, типичнѣйшихъ, характернѣйшихъ.

Два дуализма въ узкомъ смыслѣ слова догматически утверждаетъ Ласкъ: дуализмъ формы—матеріи и дуализмъ познанія—его смысла. Первый дуализмъ, будучи толкуемъ имъ чисто-логически, есть дуализмъ элементовъ познавательнаго смысла, не дуализмъ двухъ сущностей или двухъ царствъ. Взаимодѣйствіемъ, бесконечно-разнообразнымъ со-

четаніємъ этихъ двухъ элементовъ исчерпывается сфера Сушаго, повсюду даннаго лишь, какъ то или иное содержаніе познанія. Нѣтъ въ Сущемъ ни чистой формы, ни чистой матеріи, ни чего-либо третьяго, имъ несроднаго. Все въ немъ форма—матерія, матерія—форма. При этомъ сочетанная съ матеріей форма можетъ становиться иногда матеріей, доводя матерьяльность до минимума, до формальной матерьяльности; а сочетанная съ формой матерія можетъ становиться формой, доводя формальность до ея формальнаго предѣла, до матерьяльной формальности. Не можетъ стать матеріей лишь чистая форма, формой лишь чистая матерія. Чистая форма и чистая матерія—предѣльны, лежатъ на исходныхъ полюсахъ Сушаго, суть послѣдніе неразрѣшимые моменты познавательнаго содержанія. И ихъ ни на что несводимая дуальность сказывается обычно въ томъ, что форма въ моментъ своего формальнаго значенія не можетъ стать матеріей, матерія же въ моментъ своего матерьяльнаго значенія не можетъ стать формой. Или, употребляя схему логическихъ областей, форма заполняетъ собою принципиально-формальную, хотъ зависящую въ своей дифференцированности отъ матеріи сферу значимости, матерія же устанавливаетъ принципиальную, хотъ и зависящую въ своемъ многообразіи отъ формы сферу бытія. Такъ исчерпывается объективно-сущее фактическимъ переплетеніемъ логически-разностныхъ сферъ значимаго и существующаго. Дуализмъ второй, будучи толкуемъ Ласкомъ гносеологически, есть дуализмъ двухъ сторонъ познанія, не двухъ сущностей или двухъ видовъ бытія. Всякому содержанію познанія, т.-е. всякой частицѣ Сушаго, соответствуетъ познавательный актъ и наоборотъ. Въ актѣ приобщается познающій смысла, Сушаго. Какъ смыслъ, опознается Сущее мышленіемъ. Въ активно-опознаваемомъ смыслѣ осѣняется матерія формой, а форма присущается матеріи. Будучи взяты сами по себѣ, сферы познанія и его смысла принципиально разностны: первая принадлежитъ къ бытію, вторая къ значенію. Но подобно тому, какъ въ первомъ случаѣ принципиально-разныя сферы значимости и бытія сочетаются воедино въ лицѣ обѣимъ имъ причастной сферы познавательнаго смысла, такъ и въ данномъ случаѣ сфера познавательнаго смысла (значенія) сочетается воедино со сферой бытія (психическаго) въ лицѣ новой сферы рефлексіи, сферы опознанія актомъ познанія познавательнаго смысла или Сушаго. Такъ перекрещиваются между собой въ различныхъ направленіяхъ два основныхъ выдвигаемыхъ Ласкомъ дуализма¹⁾.—Несостоятельность этой дважды дуалистической концепціи совершенно оче-

¹⁾ См. Lask: Die Logik der Philosophie und die Kategorienlehre (1911) s. 72—87, 113—126, 138—169, 182—212; Die Lehre vom Urtheil (1912) s. 54 ff., 79 f., 93 ff., 132 ff., 157 ff.

видна для внимательнаго анализа во всѣхъ существенныхъ ея пунктахъ. Первымъ дѣломъ, если чистая форма есть чистая форма, а чистая матерія есть чистая матерія, то никогда и никакимъ способомъ не могутъ онѣ хотя бы частично помѣняться ролями другъ друга: не только на конечныхъ полюсахъ Сущаго, не только будучи взяты въ видѣ независимыхъ логическихъ сферъ, но и въ самой сердцевинѣ его, въ ихъ логическомъ сосозиданіи познавательнаго смысла. Что-нибудь одно: или смыслъ этотъ не есть продуктъ чистой формы и чистой матеріи; тогда возможно, что ему присущія (нечистыя) форма и матерія въ состояніи мѣнять свои роли по желанію; или смыслъ вырастаетъ изъ взаимодействія чистой формы и чистой матеріи; и тогда каждая изъ нихъ остается повсюду сама собой, нигдѣ не допуская своего превращенія въ противоположность. Во-вторыхъ, и въ связи съ этимъ, если чистая форма есть чистая форма, а чистая матерія есть чистая матерія, то никогда и никакимъ способомъ не могутъ онѣ сочетаться другъ съ другомъ и совместно продуцировать новое образованіе. Въдѣ каждая изъ нихъ въ отдѣльности самодовлѣюща, въ себѣ замкнута, лишена въ своей чистотѣ какой-либо устремленности на другую. Чтобы стремиться другъ къ другу, чтобы обуславливать другъ друга, чтобы вызывать другъ друга, чтобы прилежать другъ къ другу, онѣ должны быть побуждены къ тому чѣмъ-то третьимъ, и не чисто формальнымъ и не чисто матеріальнымъ; что совсѣмъ уже немыслимо. Потому одно изъ двухъ: либо въ чистой формѣ и въ чистой матеріи есть что-нибудь общее, что нибудь ихъ единящее; и тогда онѣ уже не чистая форма и матерія, не исключаютъ принципіально другъ друга величины; либо онѣ дѣйствительно чисты, ни въ чемъ не сходятся, уничтожаютъ другъ друга своей односторонностью; и тогда онѣ никакъ не могутъ слагаться во что-то третье. Въ-третьихъ, если познавательный актъ есть всегда сопереживаніе познавательнаго содержанія, это же послѣднее есть всегда сочетаніе формы и матеріи, то совершенно очевидно, что никакое, даже философское познаніе не въ состояніи относиться къ чистой формѣ или чистой матеріи, основнымъ признакомъ которыхъ служить невозможность мѣнять свои роли и служить содержаніемъ познанія. Такъ что, или можно въ познавательномъ переживаніи познавать форму и матерію внѣ ихъ выявленія въ познавательномъ содержаніи, или чистыя форма и матерія—выдумки, недопустимыя понятія. И наконецъ, въ четвертыхъ, если познавательный актъ есть бытіе, а познавательное содержаніе принадлежитъ къ сферѣ значимости, не существуя, какъ таковое, во времени, то никакой параллелизмъ, никакое слежаніе, никакая состоронность ихъ недопустима, ни о какой связи ихъ не должно быть и рѣчи. Въдѣ бытіе психическаго переживанія опредѣляется категоріями, совершенно чуждъ

дыми значимости познавательного смысла, т.-е. не имѣть съ послѣднимъ точки соприкосновенія. Для того, чтобы актъ познанія могъ въ томъ или иномъ смыслѣ содержать въ себѣ то, что именуется двусмысленно содержаніемъ познанія, необходимо, чтобы оно было ему хоть въ чемъ-либо сродственно, хоть въ какомъ-либо пунктѣ допускало непрерывный переходъ отъ себя въ его сферу. Такъ что: либо сфера психического бытія и сфера познавательного смысла родственны, породняя тѣмъ значимость со временностью и генетичностью бытія; либо онѣ абсолютно различны, уничтожая тѣмъ всякую осмысленность теорій, проповѣдующихъ ихъ солежаніе или сосоитіе.

Два монизма (дуализма въ широкомъ смыслѣ слова) утверждаетъ критически Бредли: конечное единство міра явленій и міра дѣйствительной дѣйствительности, съ одной стороны, совпаденіе познающего субъекта и познаваемого объекта въ абсолютъ—съ другой. Монизмъ перваго рода начинается съ установленія внутренней противорѣчивости и недопустимой раздробленности дѣйствительности явленій. Въ силу такихъ свойствъ своихъ она признается имъ мнимой и отвергается разъ и навсегда. Ей на смѣну полагается тогда иная дѣйствительность, подлинная и внутренне-цѣлостная, согласно и систематически обнимающая въ себѣ всѣ проявленія Сущаго; дѣйствительность, объединяющая въ себѣ даже послѣдніе полюсы единого и множественнаго. Это—дѣйствительность самоотожественнаго Абсолюта. Въ немъ пребываетъ Все по своей подлинной сущности. Имъ исчерпывается все разнообразіе Сущаго. Отъ него идутъ всѣ возможности реальности. Въ немъ, какъ въ фокусѣ, концентрируются и въ то же время теряютъ свою противорѣчивую разность всѣ лучи міровой жизни. Монизмъ втораго рода, опираясь на первый, отвергаетъ состоятельность обычнаго феноменальнаго познанія. Ибо въ этомъ послѣднемъ противостояніе міра явленій познающему субъекту порождаетъ рядъ безвыходныхъ противорѣчій и неясностей. Ибо въ немъ изначальный дуализмъ я и не-я мѣшаетъ достиженію сколько-нибудь надежныхъ познавательныхъ результатовъ. Дуализмъ этотъ долженъ быть прекращенъ; это же возможно лишь при интуитивномъ постиженіи абсолютнаго, при полнѣйшемъ самопогруженіи въ Абсолютъ, при всецѣломъ самоотбрасываніи съ нимъ въ Единое Одно. Только въ высшемъ всестороннемъ Тождествѣ заключается подлинная реальность Сущаго. Только черезъ высшее и всестороннее познавательное самоотождествленіе съ нимъ можно проникнуть въ его божественную сферу ¹⁾.—Невозможность такой псевдо-

¹⁾ Bradley: Appearance and Reality (1908) p. 71—74, 119—120, 127—132, 135—183, 359—400, 455—510, 535—552, 554—561, 569, 582, 585—597, 621.